

Два брата, два города | Deux frères, deux villes

Author: Надежда Сикорская, [Лозанна](#) , 28.10.2019.

Евгений Хенкин в Берлине и Яков Хенкин в Ленинграде, 1930-е годы (с) The Henkin Brothers Archive Association / Editions Noir sur Blanc

Сегодня поступает в продажу выпущенная лозаннским издательством Noir sur Blanc книга «[Братья Хенкины. Фотографии Ленинграда и Берлина](#)». Это стало возможным прежде всего благодаря внучке ее героев, Ольге Вальтер, вывезшей из России в Швейцарию уникальный архив. Появлению книги предшествовала выставка фотографий «Братья Хенкины: открытие. Люди Ленинграда и Берлина 1920–1930-х

годов» в Государственном Эрмитаже в 2017 году и представление работ братьев Хенкиных на международном фестивале фотографии Street Photo Milano в мае 2019-го.

|

Les Editions Noir sur Blanc, à Lausanne, ont publié [*Les Frères Henkin, photographes à Leningrad et à Berlin*](#), un livre qui repose sur des archives exceptionnelles, que la petite-fille des protagonistes, Olga Walther, a elle-même transportées de Russie en Suisse. Avant la publication de cet ouvrage, une exposition de photographies, « Les frères Henkin. Gens de Leningrad et de Berlin, années 1920-1930 », avait été présentée à l'Ermitage, à Saint-Pétersbourg, en 2017 ; et d'autres travaux des frères Henkin, montrés au festival Street Photo Milano, en mai 2019.

Deux frères, deux villes

Архив этот можно рассматривать и как семейную реликвию, и как документ если не мирового, то точно европейского значения. Если бы историю появления и воскрешения из небытия этих фотографий, сделанных между двумя мировыми войнами, описали в романе или показали в кинофильме, то все оправдал бы «художественный вымысел». Однако, как часто бывает, творческая фантазия блекнет рядом с правдой без прикрас, а незаполненные пока фактические пустоты придают реальной истории очарование детектива. Итак...

... Официально датой основания Ростова-на-Дону считается 15 декабря 1749 года, когда императрица Елизавета Петровна своим указом основала Темерницкую таможню – по имени одной из трех протекающих через город рек, Темерника. Выгодное географическое положение на перекрестке сухопутных и водных дорог способствовало экономическому развитию Ростова. У его стен образовался торговый порт, принимавший суда русских, греческих, итальянских, турецких, армянских, персидских купцов. В 1887 году город был включен в состав Области войска Донского, что стало толчком к дальнейшему развитию промышленности и благоустройству. Несмотря на то что основой экономики Ростова была торговля, за что его называли купеческим городом, к началу XX века здесь действовало уже более ста предприятий, включая несколько крупных заводов и фабрик. Быстро росло и население города: если к своему столетию Ростов насчитывал около 15 тысяч жителей, то к началу XX века, согласно переписи 1897 года, в нем проживало уже 119 476 человек, из которых родным языком указали: русский – 94 673 человека, еврейский – 11 183, малороссийский – 5 612, армянский – 1 182, польский – 1 444, немецкий – 1 182, татарский – 1 172.

И вот в этом прекрасном городе, не находившемся в «черте оседлости» (где было разрешено жить евреям в Российской империи), но делавшем исключение для тех из них, кто владел недвижимым имуществом и пополнял казну налогами, в семье Александра Хенкина, владевшего механическим заводом и двумя домами, на рубеже веков родились два мальчика – Евгений (в 1900 году) и Яков (в 1903-м). Три года спустя у них появилась сестра Софья, со временем выросшая в заведующую редакцией журнала «Звезда».

Точкой отсчета в последующей истории стала Октябрьская революция, что объясняет отсылку в заголовке к Диккенсу, с его Французской. Детям Хенкиным рано пришлось повзрослеть: родители недолго переживали конфискацию имущества в 1917 году,

Александр и Анна погибли в один день в 1920 году при очередном обстреле Ростова. Гнездо распалось. Как удалось выяснить, в 1925 году Евгению Хенкину неведомыми путями удалось уехать за границу: он жил в Берлине, недолгое время учился там в Техническом университете в Шарлоттенбурге, играл на терменвоксе (электромузыкальном инструменте, созданном как раз в трагическом для семьи Хенкиных 1920 году изобретателем Львом Сергеевичем Терменом в Петрограде) и фотографировал.

Приблизительно в то же время его брат Яков с женой Фридой и дочкой Галей перебрался в Ленинград, где служил инженером-экономистом и... тоже фотографировал.

Фотоаппарат и коробка с пленками Якова Хенкина Евгений Хенкин в Берлине и Яков Хенкин в Ленинграде, 1930-е годы (с) The Henkin Brothers Archive Association / Editions Noir sur Blanc

Братские параллели могли не пересечься уже никогда, но... с нарастанием нацистских настроений Евгению, видимо, стало неуютно в Германии. Однако, в отличие от большинства имевших выбор, он не остался на Западе, а вернулся в Ленинград, поселившись в семье брата – свою семью он не создал, хотя прекрасные женщины на его фотографиях присутствуют в изобилии. В лучших традициях того страшного времени где-то через год его арестовали и 3 января 1938 года расстреляли как немецкого шпиона. Ровно пятьдесят лет спустя в память об этой трагедии появилась страница Евгения Хенкина на сайте «Бессмертный барак».

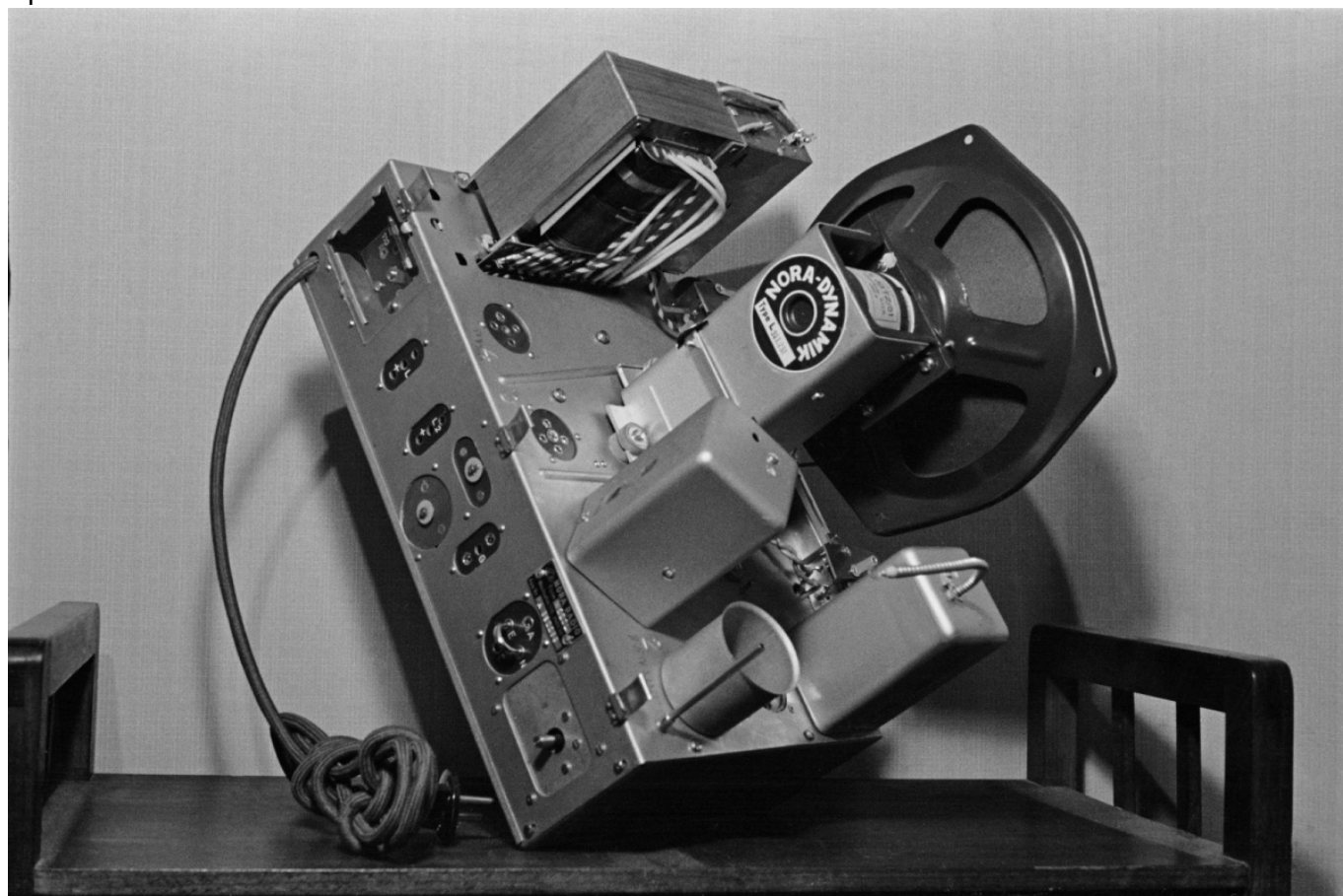
Яков пережил брата ненадолго: записавшись добровольцем в самые первые дни войны, он погиб на Ленинградском фронте в 1941 году, его прах покоится в братской

могиле на Пундоловском кладбище в деревне Суоранда Ленинградской области. Пересеклись параллели на том свете...

Но жизнь продолжалась. Жена и дочь Якова Хенкина пережили блокаду Ленинграда, а вместе с ними ее пережили и железные и картонные коробки с негативами обоих братьев. Вот мы и подошли к главному.

– Швейцарские эксперты считают настоящим чудом то, что негативы сохранились в таких условиях, без правильного температурного режима! Видимо, так и есть, – начинает свой рассказ Ольга Вальтер, внучка Якова и Фриды Хенкиных. – Но еще и сочетание удачи и свойственной нам сентиментальности вкупе с рациональностью, диктующей, что если у тебя в руках что-то есть, то надо посмотреть, что это.

Ну как тут не вспомнить булгаковское утверждение «Рукописи не горят» и не применить его по отношению к негативам?

Возможно, именно на таком терменвоксе играл Евгений Хенкин Евгений Хенкин в Берлине и Яков Хенкин в Ленинграде, 1930-е годы (с) The Henkin Brothers Archive Association / Editions Noir sur Blanc

В 2001 году Ольга, ни на что не рассчитывая, уговорила известного петербургского фотографа отпечатать две пленки. На это ушло две недели, но это стоило того: обе оказались потрясающие. Однако серьезно взяться за дело удалось только в 2012 году, а до того коробки так и переезжали вместе с семьей из одной квартиры в другую, оставаясь на протяжении многих лет привычным элементом интерьера, не вызывавшим у окружающих большого интереса, что по-своему удивительно, ведь «лишний предмет» в коммунальной квартире не мог не раздражать! Пока не переехали в Лозанну. «Пленки решили выжить, что далось им непросто, – Ольга

говорит о них, как о живых существах. – Главной загадкой для меня остается то, почему, учитывая все обстоятельства, моя мама и бабушка их хранили? Ведь это было невероятно опасно. Понимали ли они это? Увы, на этот и 99,9% других возникавших и возникающих вопросов ответ один: не знаю и никогда не узнаю, поскольку никого из тех, кто это знал, уже нет в живых.»

По мере «разворачивания» фотографий начала разворачиваться и история семьи, ведь невозможно показывать снимки людей, о которых ничего не знаешь. Ольга обрела единомышленника в лице своего сына Дениса, в свободное от работы в банке UBS время погрузившегося вместе с ней в поиски. «Увлечь меня не составило труда, поскольку я всегда интересовался историей: еще лет в десять, живя в Ленинграде, начал составлять наше генеалогическое древо, расспрашивая тетю Софью и разглядывая вместе с ней альбомы с фотографиями, сделанными Евгением во время гастролей то в Рио, то в Кельне, что было для 1980-х совершенной экзотикой. Вопросом, куда делся их автор, я тогда не задавался, но помню, что думал: если б я увидел в продаже такую книгу с редкими фотографиями, купил бы.»

Не задавалась лишними вопросами и Ольга, приняв как данность факт, что дедушки у нее нет. «Я познакомилась с ним и с дядей сейчас, благодаря их фотографиям узнав, где они жили, по каким улицам гуляли, как одевались, что им нравилось, что обращало на себя их внимание. Одновременно с узнаванием родилось чувство смертельной обиды за себя, за то, что в детстве меня лишили такого количества любви – ведь не приходится сомневаться, что два этих ярких талантливых мужчины обожали бы внуку, фотографировали бы меня и играли бы мне на терменвоксе!»

Из задетости за живое проснулся неутоляемый с тех пор интерес. Начались хождения по архивам и паспортным столам, письма людям, которые могли помочь в расследовании обстоятельств жизни и смерти братьев, общение с сотрудниками центров «Мемориал» и «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, изучение документов НКВД, оказавшихся наиболее обстоятельными, хотя можно ли верить зафиксированным ими признаниям? И, конечно, поездки в Петербург – для сканирования. Заметим, что сканирование старых пленок – дело хлопотное, а в Швейцарии еще и накладное, от 50 до 100 шв. франков за каждый кадр. А их в архиве – 7000, вот и считайте! На сегодняшний день отсканированы 300 фотографий, остальные – в опасности.

Символично, что первая выставка состоялась в родном для Ольги и Дениса Эрмитаже, а первая книга вышла в ставшей родной Швейцарии. «Мы очень благодарны руководству Эрмитажа и куратору выставки Дмитрию Озеркову, – говорит Ольга. – Начать с Эрмитажа было для меня принципиально важно. Главную роль сыграли, конечно, сами фотографии, под магию которых сразу подпадаешь: многим кажется, что они “узнают” своих ушедших близких, видят какие-то подсмотренные уличные сценки... Мою собственную жизнь они изменили полностью, став, наверное, главным ее делом. Произвели они впечатление и на Веру Михальски-Хоффманн, которая, назначив нам первую пятнадцатиминутную встречу, провела с нами полтора часа, а потом заявила: “Книга будет!”».

«Мы получаем много предложений, связанных с фотографией, хотя это и не является областью специализации моего издательства, – поделилась с Нашей Газетой владелица Noir sur Blanc. – Но этот проект сразу соблазнил меня своей уникальностью, своей редкой “историчностью” и невероятной возможностью увидеть, словно в зеркале, что происходило в двух столь важных европейских городах в начале прошлого века. Мне довелось наблюдать, какое ошеломляющее впечатление произвели эти снимки на человека, совершенно не интересующегося фотографией, – просто своей нарративной мощью. Не сомневаюсь, что тексты, включенные в нашу книгу, только усилят это впечатление».

Выставка в Эрмитаже, где были представлены 142 фотографии, и сопровождавший ее каталог на русском языке привлекли внимание к архиву братьев Хенкиных в России, миланская выставка – в Европе: о нем стали говорить и писать. И вот теперь книга на французском, в которой 181 снимок. Наверное, у тех, кто отбирал их, были свои личные критерии и предпочтения: одни искали сходства, другие – различия, одним хотелось показать «уличную фотографию» до Картье-Брессона, другим – советский быт. Но главный общий знаменатель виден невооруженным глазом – всё в этих проектах «движимо любовью».

Благодаря этим фотографиям, на которых запечатлена «невыносимая легкость бытия» с ее нарядными женщинами, парадами физкультурников и играющими в песочницах детьми и совершенно отсутствует то страшное, что грядет, мы можем тем не менее, приглядевшись к деталям, проследить процесс вызревания двух тоталитарных систем. Гром еще не гремит, но гроза уже собирается: обратите внимание на портреты Сталина, на свастику на театральной тумбе, на марширующих с военной четкостью физкультурников, на пару бургеров, с порога своего дома поднимающих руки в приветственном «Хайль!»... Причем интересно, что, глядя на одну из менее «помеченных» фотографий, думаешь – это точно Берлин! А оказывается – Ленинград. И наоборот. «Искусство передает эмоции художника. Здесь мы – перед лицом эмоций времени», – написал в предисловии к книге Георгий Пинхасов, известный фотограф, родившийся в Москве, лауреат международных премий, член парижского фотоагентства «Магnum».

Свидетельства эти бесценны потому, что в те времена и в СССР, и в Германии не только мало было качественных фотоаппаратов, но уличная фотография вообще была неписаным законом запрещена. Так что Евгений со своей Leica и Яков со своим «ФЭДом» (в сущности, той же «Лейкой»), сами того не ведая, шли на риск.

Что будет с архивом дальше?

«Наша цель – показать всё, что есть. Витают идеи и новых выставок, и новых книг, и даже документального фильма. Фотографий наберется на всё, а каждый куратор или издатель, погружаясь в них, представит их каждый раз под иным ракурсом и расскажет новую историю, – завершает нашу беседу Ольга Вальтер. – Меня лично поразило, что среди пятисот фотографий, которые я была готова выбросить, оказались те, что были отобраны Эрмитажем! Так получилось, что над архивом Хенкиных не работает сейчас ни один человек, с которым у нас не сложились бы хорошие отношения. Возникла территория любви и дружбы, на благодатной почве которой Хенкины обязательно займут свое место в истории искусства и вообще в истории XX века!».

От редакции: Многочисленные фотографии из уникального архива братьев Хенкиных опубликованы в только что полученном из типографии печатном выпуске Нашей Газеты, который можно [заказать в редакции](#).

[отношения сша и швейцарии](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/culture/dva-brata-dva-goroda>